

Ольга Чернова

ВЕРНЫЕ ДО СМЕРТИ

Ольга Чернова
Верные до смерти

Православное издательство "Сатисъ"

2007

Чернова О. В.

Верные до смерти / О. В. Чернова — Православное издательство
"Сатись", 2007

ISBN 978-5-7868-0081-6

Книга «Верные до смерти» посвящена тем людям, которые разделили с Царственными Страстотерпцами их судьбу. Совокупность собранных автором документов и свидетельств позволяет увидеть глубину христианского смирения и высоту мученического подвига верных слуг Царской Семьи.

ISBN 978-5-7868-0081-6

© Чернова О. В., 2007
© Православное издательство
"Сатись", 2007

Содержание

От редакции	6
90 лет со дня отречения Государя Императора Николая II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ольга Чернова Верные до смерти

*По благословению
Митрополита Санкт-Петербургского и Ладозского
ВЛАДИМИРА*

От редакции

Книга «Верные до смерти» выходит в дни, когда произошло давно ожидаемое, знаменательное событие: в Москве, в храме Христа Спасителя, подписан Акт о каноническом единстве двух частей Русской Православной Церкви.

Зарубежная Церковь, окормляя русских людей, в рассеянии сущих, всегда свято хранила память о мученическом подвиге Царской Семьи и её верных слуг. В основе мотивов, которыми руководствовалась Зарубежная Церковь, канонизируя верных слуг Царской Семьи, лежит понимание христианской сути их мученического подвига. Люди, оставшиеся верными своему долгу и присяге, оказались способны явить верность Христу, разделив с Царственными Страстотерпцами их Крест, пройдя до конца весь путь страданий и любви.

Мы помещаем в книге икону Новомучеников и Исповедников Российских, которую благословил Зарубежный Собор. С молитвой и упованием мы обращаемся к сонму мучеников Российских, надеясь на их предстательство у Престола Божия.

90 лет со дня отречения Государя Императора Николая II

Государь отверг себя, взял крест свой и последовал за Христом. И как он был одинок! В этом ведь тоже глубокая христоподражительность его подвига. Он до конца пронес крест своего царственного служения, до тех пор, пока все кругом не восстало против него в подлом изменническом бунте, и дальнейшее его царское крестоношение потеряло смысл...

Владыка Нафанаил (Львов)

Непереносимо тяжело углубляться в историю последних месяцев жизни Царской Семьи. Вокруг Государя – трусость, измена, ложь. Тех, кто предал – много. Тех, кто мучил, издевался и убивал – много. И потому так хотелось узнать о других, немногих, кто остался верен до конца. Утешиться тем, что Семья не осталась в полном одиночестве, что рядом были люди, которые скрасили и разделили с Ними страдания последних 17 месяцев жизни.

Путь самоотречения каждый из них не только завершил, но и начинал с личной жертвы: доктор Боткин оставляет своих детей круглыми сиротами, ему было некому, кроме Бога, поручить их; воспитатель Цесаревича Жильяр и учитель Гиббс, швейцарский и английский подданные, вместо возвращения на родину едут в такую страшную для любого иностранца Сибирь; молодая графиня Тендрякова, оставив за воротами Александровского дворца богатство, родных, шанс на спасение, счастлива, что успела стать арестованной. У них у всех нашлись бы причины покинуть Семью, и, конечно, Царственные Узники поняли бы их и благословили. Но в том-то и дело, что эти люди не раздумывали ни минуты – высший долг вел их и был сильнее родственных связей, ностальгии или любых других, по-человечески извинительных обстоятельств. Ради Святой Семьи они не только предпочли заключение – свободе и смерти – жизни, каждый из них стремился принять на свои плечи краешек Их Креста.

За близость к Августейшей Семье большевиками были убиты: фрейлина графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, гофлектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер, генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев, гофмаршал князь Василий Александрович Долгоруков, доктор Евгений Сергеевич Боткин, комнатная девушка Анна Степановна Демидова, дядька Наследника Клементий Григорьевич Нагорный, камердинер Иван Дмитриевич Седнев, камердинер Алексей Егорович Трупп, повар Иван Михайлович Харитонов и, вероятно, много других, о которых мы еще не знаем.

Оставшиеся в живых после событий 1918 года, баронесса София Карловна Буксгевден, преподаватели Пьер Жильяр и Чарльз Гиббс, камердинеры Алексей Андреевич Волков и Терентий Иванович Чемодуров, учительница Клавдия Михайловна Битнер и полковник Евгений Степанович Кобылинский свидетельствуют, как сильны христианской верой, верой своего народа, были Царственные Мученики и как «положили душу свою за други своя» не покинувшие Их приближенные.

* * *

16 марта 1917 года в Александровском дворце узнали об отречении Императора. Вечером того же дня ужасную весть, которую Государыня поначалу приняла за очередную «гнусную сплетню», подтвердил Великий Князь Павел Александрович. Граф Бенкендорф, находившийся рядом с Императрицей в тот момент, говорил впоследствии: «Какое величие души... это один из тех характеров, которые с особой силой проявляются в минуту бедствия».

В течение последней недели революционные волны неуклонно подкатывались к дворцу, грозя захлестнуть его. 13 марта угроза стала реальностью. Дворец оказался на осадном положении. Гарнизон Царского Села, в чьей преданности была уверена Императрица, примкнул к мятежникам, освободил из местной тюрьмы заключенных (в ней содержались в основном мелкие уголовники) и разгромил винные лавочки. Затем разномастная толпа в несколько тысяч человек, разогретых разливанным морем вина (в прямом смысле) и непрекращающимися митингами, с беспорядочной стрельбой двинулась к Александровскому дворцу, вознамерившись захватить Императрицу и Наследника и передать их в революционный штаб Петрограда.

Государыня, чтобы заранее успокоить больных Детей, если мятежники бросятся на штурм дворца, предупредила Их, что в Царском военные маневры и выстрелов пугаться не надо. Потом, обсудив ситуацию с графом Апраксиным и генералом Ресиныным, набросила поверх платья сестры милосердия меховой плащ и в сопровождении Великой Княжны Марии Николаевны отправилась к постам дворцовой охраны.

В полной темноте Императрица и Ее Дочь обошли защитников дворца: два батальона Сводного полка, батальон военно-морских сил, два казачьих эскадрона и военно-полевую батарею под командованием графа Ребиндера, выстроившихся в несколько линий боевого порядка. Государыня благодарила их за верность своему долгу, но просила не провоцировать наступавших, чтобы избежать кровопролития.

Бенкендорфы, граф Апраксин и Иза Буксгевден провели эту ночь в комнатах Императрицы. Государыня, возвращаясь от больных, успевала успокоить старую графиню Бенкендорф, принести дамам подушки и одеяла из собственной спальни, обеспечить на случай бессоницы взволнованную графиню Бенкендорф фруктами и печеньем.

Атаки не было. Мятежники поверили слухам, что во дворец стянуты значительные силы, а на крыше установлены пулеметы, и решили подождать.

Вновь реальная угроза нападения возникла после 17 марта. Несколько ночей во дворце не спали. И почти не ели. Если перед запертыми воротами останавливались грузовики с солдатами, поднималась суматоха.

Дворец после отречения Государя остался практически без охраны, разбежалась большая часть прислуги. С Императрицей остались члены личной свиты и несколько слуг. Подходили к концу запасы продовольствия. Водопровод отключили в первые дни мятежа, воду доставали, разбив лед в пруду.

Защищать Императрицу и Детей прибыли адъютанты Императора, граф Адам Замойский и Александр Николаевич Линевиц, полковник лейб-гвардии Конной артиллерии. Графа Замойского заставили оставить дворец, отозвав приказом из Ставки. Линевица арестовали, когда на автомобиле с белым флагом он пытался пробиться в Петроград, чтобы просить Временное правительство обеспечить безопасность Семье.

Та же судьба постигла других должностных лиц из Царского: князя М.С. Путятина, генерала Добровольского и полковников Герхарди и Гротена. Они были отправлены в Петропавловскую крепость.

20 марта из Петрограда прибыл адъютант Императора капитан Д.В. Деи, чтобы сообщить Государыне, что он и его жена, София Владимировна, готовы переехать во дворец и предоставить себя в Ее полное распоряжение. Государыня с радостью согласилась, капитан Деи немедленно отправился за женой и, едва выйдя из дворца, был арестован.

Болезнь Детей в эти дни достигла пика. Царевна Мария Николаевна, единственная, кого обошла корь, тоже почувствовала себя «совсем не в форме», но скрывала свое состояние ради Государыни. Она надеялась продержаться «до тех пор, пока не вернется Папа», но за день до Его возвращения слегла с двусторонним воспалением легких. С температурой выше 40, задыхаясь, самоотверженная и еще такая юная Царевна, признанная русская красавица, в бреду пыталась спастись от солдат, которые шли убивать ее и ее Мать.

При таких обстоятельствах фрейлина София Карловна Буксгевден, граф Павел Александрович Бенкендорф и граф Апраксин отправились к Императрице, чтобы заверить ее в личной преданности. Александра Феодоровна приняла их в классной комнате Дочерей. Она стояла с трудом, опираясь одной рукой на стол, другую взял в свои граф Бенкендорф. По его обычно бесстрастному лицу катились слезы. Иза Буксгевден сумела пробормотать несколько бессвязных слов любви и признательности.

«Это выше нас. Это воля Бога. И Господь спасет Россию. Это единственное, что имеет значение», – говорила Императрица. Прежде чем закрыть за собой дверь, придворные увидели, как Она опустила на стул и, закрыв лицо руками, зарыдала.

Вечером 5(18) марта 1917 года Совет Министров Временного правительства постановил: арестовать Государя, Семью и придворных, которые пожелают остаться при Них, и заключить всех в Александровском дворце Царского Села. Арест Государыни и Детей в Царском и Государя в Могилеве было решено произвести в один день – 8(21) марта.

21 марта командующий войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенант Корнилов объявил Императрице о Ее аресте. Александра Феодоровна выслушала генерала с царскими орденами. Долго молчала. Позже сказала: «Не ведает, что делает. Бог ему судья».

Единственное, о чем просила Императрица Корнилова – не лишать больных Детей врачебной помощи и оставить во дворце тех слуг, к которым Они привыкли. Еще Она просила вернуть свободу арестованным, и обеспечить работу Ее госпиталей и санитарных поездов. Корнилов позволил посещать Детей врачам исключительно в сопровождении охраны, а из прислуги оставил тех, кого пожелал сам. Сводный полк, охранявший Александровский дворец, в этот же день был заменен революционными войсками.

Через несколько часов под самыми окнами дворца вновь заступивший часовой убил любимую ручную козочку Наследника.

Придворных, находившихся во дворце, генерал предупредил, что, если хотят остаться с Арестованной, пусть решают сейчас же: «Потом во дворец уже не пуцую».

Выбор предстояло сделать: статс-даме Елизавете Алексеевне Нарышкиной; фрейлинам: графине Гендриковой, баронессе Буксгевден и Юлии Ден, гофлектрисе Шнейдер, обер-гоф-маршалу графу Бенкендорфу, заведовавшему благотворительными делами Государыни графу Апраксину, командиру Сводного Его Величества полка генерал-майору Ресину, лейб-медику Их Величеств Боткину, врачу Наследника доктору Деревенко, наставнику Наследника Пьеру Жильяру и Анне Александровне Вырубовой.

Был ли этот выбор одинаково нелегким для всех? Отнюдь нет. Для большинства из них его не существовало. Но первые весенние дни 1917 года обернулись своеобразным «детектором лжи» для ближайшего окружения Царской Семьи. Они высветили и навсегда разделили тех, кто остался верен Богу и совести, и тех, кто «струсил, изменил, солгал».

После отречения

Сразу ушел генерал Ресин. Через три дня – граф Апраксин. Он доложил Государыне, что все дела во дворце закончил, попросил отпустить его к семье и немедленно уехал из Царского. Не позволили остаться во дворце княгине Оболенской, бывшей фрейлине Императрицы.

Не по своей воле покинули дворец: в конце марта Вырубова и Деи, которых отправили в Петропавловскую крепость; 14 мая старушка Нарышкина, увезенная в госпиталь с крупозным воспалением легких, и граф Бенкендорф, у которого заболела жена.

Оставшиеся подлежали тому же режиму, который устанавливался для Августейшей Семьи: полная изоляция от внешнего мира, выход из дворца в парк или на садовые работы два раза в день в сопровождении часовых; цензура переписки (каждое письмо прочитывается не только комендантом, но дежурным офицером и даже солдатами), редкие свидания с родными по личному разрешению Керенского также в присутствии часовых. Свидания с родными разрешались Керенским лично и только в исключительных случаях: например, князь Долгоруков и графиня Гендрикова перед отъездом в Сибирь встретились с братьями; баронессе Буксгевден разрешили повидаться с больной матерью, а после ее смерти – с отцом. Встречи проходили в караульной, в присутствии конвоя и представителя Совета рабочих депутатов.

Слуги, считавшиеся свободными гражданами, права покидать дворец не имели, но в определенные дни встречались с родственниками. Других ограничений и вмешательства новой комендатуры во внутреннюю жизнь арестованных не допускалось.

Генерал Корнилов, закрывая за собой двери Александровского дворца в 4 часа дня 8(21) марта, одновременно открывал начало первого этапа на пути Государя Императора Николая II и Его Августейшей Семьи к Дому Ипатьева.

Справедливости ради, стоит отметить, что впоследствии «он не мог простить себе своего постыдного поведения при аресте Царской Семьи. Он ждал себе возмездия за это и говорил близким людям, что рад будет искупить свою невольную вину смертью» (Ф. Винберг).

Государь в эти дни прощался с армией. Спокойно («одному Богу известно, чего стоит Ему это спокойствие» (И.А. Павлов)), ясно и отчетливо сказал последние слова. В зале Управления дежурного генерала обошел присутствующих, каждому подавая руку. Кто-то плакал, кто-то не мог сдержать рыданий, двое или трое упали в обморок. Когда нервное напряжение

достигло предела, Государь, «несмотря на свое сверхчеловеческое обладание, не желая подвергать присутствовавших дальнейшей нравственной пытке, – прекратил обход и быстрыми шагами вышел из зала» (Е.Е. Алферьев).

Перед Императором – его краса и гордость, его чудо-богатыри: гвардия, военное дворянство, тысячи вооруженных. Но... чего же они ждут? На что способны, кроме слез и обмороков, в эту страшную, судьбоносную для России минуту? «Ни одна рука не вцепилась в эфес, ни одного крика “не позволим”, ни одна пашка не обнажилась, никто не кинулся вперед, не нашлось ни одной части, полка, корпуса, который в этот час ринулся бы сломя голову на выручку Царя, России... Было мертвое молчание» (Н.А. Павлов).

Из дневника Государя: «8-го марта. Среда. Последний день в Могилеве. В 10 ч. подписал прощальный приказ по армиям... Простился со всеми чинами штаба и управлений... с офицерами и казаками конвоя и Сводного полка – сердце у меня чуть не разорвалось!.. В 4.45 уехал из Могилева, трогательная толпа людей провожала. Погода морозная и ветреная. Тяжело, больно и тоскливо».

Государь прибыл в Царское Село 9(22) марта в 11 часов 30 минут. На подходе к Царскому Он простился с придворными и прислугой поезда, поблагодарил гофмаршала князя Долгорукова, начальника походной канцелярии генерал-майора Нарышкина, флигель-адъютанта герцога Лейхтенбергского, флигель-адъютанта полковника Мордвинова и других за верную службу, пожелал всем добра и закончил словами: «До свидания...» Но сразу же поправил себя, сказав: «Прощайте!» Не хотел Он ни обманываться, ни обманывать в такую тяжелую минуту.

Правда слов Государя немедленно подтвердилась.

Встречать поезд на вокзал прибыл только полковник Е.С. Кобылинский, комендант Александровского дворца. Из воспоминаний Кобылинского: «Когда подошел поезд, Государь вышел из вагона и очень быстро, не глядя ни на кого, прошел по перрону и сел в автомобиль. С ним был гофмаршал князь Василий Александрович Долгоруков... Я не могу забыть одного явления. В поезде с Государем ехало много лиц. Когда Государь вышел из вагона, эти лица посыпались на перрон и стали быстро-быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо, проникнутые чувством страха, что их узнают... Прекрасно помню, что так удирал генерал-майор Нарышкин и генерал-майор Цабель. Сцена была весьма некрасива».

Во дворце на вопрос Государя о свитских камердинер А. А. Волков в точности передал Ему слова графа Бенкендорфа: «Не приехали и не приедут». «Бог с ними», – ответил Царь. Он всегда умел скрывать свои чувства. «А Мордвинов, – отметил Волков, – был одним из любимых Государем флигель-адъютантов».

Почти мгновенно напрочь забыто то, что сформулировал некогда владыка Антоний (Храповицкий): «От верности Царю меня может освободить только Его неверность Христу».

Генерал А.А. Мосолов, начальник канцелярии Министерства Императорского Двора, писал: «Окружение Царя производило впечатление тусклости, безволия, апатичности и предрешенной примиренности с возможными катастрофами. Злой рок как будто преследовал все новые назначения. Честные люди уходили, их заменяли эгоисты, ранее всего думавшие о собственном интересе».

Приходится признать правоту Керенского, кричавшего, что поздно господам монархистам разыгрывать рыцарей, верных долгу: «...Монархисты предали своего Монарха. Если бы нашелся хоть один верный долгу полк, от нас тогда ничего бы не осталось. Государь остался без верноподданных. Проществовав 23 года, Он очутился в жутком, нечеловеческом одиночестве».

Укорять Государя, что Он не предусмотрел предательство окружения, по словам И.Л. Солоневича, можно с такой же степенью логичности, как «поставить упрек Цезарю: зачем он не предусмотрел Брута с его кинжалом?»

Оснований считать, что Государь не разбирался в людях, также нет: просто жертвовать собой способны единицы. Рядом с Царем их, действительно, осталось мало. Но это было золото, которое прошло очищение огнем. Государь о них говорил: «Мне не жаль себя, а жаль тех людей, которые из-за меня пострадали и страдают. Жаль Родину и народ!»

Сам Он, завершая свое работничество во имя России, не питая никаких иллюзий о том, что Ему уготовано, сдаваться не помышлял. В родном Царском Он готовился к своему последнему, личному бою, к сражению, которое потребует всех нравственных сил, чтобы выстоять перед врагами, погубившими Его страну и народ. Выстоять даже ценой жизни любимой Семьи.

Дорогого стоит признание М. Кольцова, пришедшее из стана лютых врагов Государя и России и перечеркивающее их же измышления: «Где тряпка? Где сосулька? Где слабовольное ничтожество? В перепуганной толпе защитников трона мы видим только одного верного себе человека – самого Николая... Единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам монарх. Спасал, отстаивал Царя один Царь. Не он погубил, его погубили».

Один старый солдат в те дни сказал, что желал бы отлить золотой памятник Николаю II. И не побоялся разъяснить набычившимся красным «товарищам»: «За то, что умел 22 года управлять такими ослами, как вы».

Не одно поколение в будущем будет задаваться вопросом: почему многомиллионная Россия не вступилась за своего Монарха и Его Семью, как могла отдать Их на заклятие?

«...Память о Царственных Узниках и Святых Страдальцах, брошенных нами на произвол судьбы... и скорбные Лики Их, виденные мною в последний раз в Тобольске, будут мне на всю жизнь укором... Не так должны были [мы] отнестись к Ним, не такой помощи ждали Они от нас!.. И мы должны признать, что присяги, данной Им на Кресте и Святом Евангелии, мы не сдержали, и за это преступление Русский Народ сторицей расплачивается, десять лет пребывая во власти большевицкой тирании, а мы, беженцы из родной земли, в голоде, холоде и нищете прозябаем на чужбине!!!» (корнет Марков, «маленький Марков», как называли его в Царской Семье).

В своем, «полностью отрезанном от мира» Александровском дворце (именно так заявила телефонистка Изе Буксгевден, когда та пыталась дозвониться одной даме, чтобы от имени Императрицы поблагодарить за сочувствие к больным Детям), Они ни словом, ни взглядом не осудили тех, кто бросил их на произвол врагов. Их чувства, горечь, разочарование навсегда остались Их тайной.

Государыня, с ее искренней верой в благородство человеческой природы, внезапное молчание адресатов (Им перестали отвечать на письма) объясняла тем, что люди боялись своей преданностью причинить еще больший вред Ей или Императору. Из членов Императорской фамилии переписка у Семьи завязалась только с матерью и сестрами Государя – Императрицей Марией Феодоровной и сестрами Государя, Великими Княгинями Ксенией и Ольгой Александровной. Не боялись навещать Государыню греческая королева Ольга Константиновна, ее племянница Елена Петровна Сербская (супруга князя Иоанна Константиновича, алапаевского новомученика) и Великий Князь Павел Александрович (новомученик, расстрелянный в Петропавловской крепости в январе 1919 г.). Великий Князь и его супруга, княгиня Палей, предлагали Императрице, если Она уедет из России, воспользоваться их домом в Булони.

Изредка приходили сочувственные письма от незнакомых людей. Однажды Государыня получила икону, на которой была написана краткая молитва и на обороте – имя дамы, пославшей ее. По словам баронессы Буксгевден, невозможно было без слез смотреть, с какой благодарностью откликнулась Императорская чета на редкие изъявления участия.

А на стол коменданта сваливались сотни оскорбительных пасквилей и газет, которые охрана, если комендант не успевал перехватить или слуги спрятать, с удовольствием передавала «по назначению».

«Защитники» дворца не уставали изобретать для Узников всяческие мелкие неприятности и унижения, переносить которые подчас было труднее, чем более серьезные.

Жарким летним вечером часовой приказал баронессе Буксгевден и Великой Княжне Татьяне Николаевне, сидевшим на подоконнике и читавшим вслух, «убрать отсюда рожи, или я стреляю». Баронесса возразила, что до сих пор окна разрешалось открывать, да к тому же очень жарко. Солдат заорал, что приказывает окно закрыть, или он выстрелит.

Любимые Государыней цветы, изобиловавшие во дворце в любое время года, были изгнаны – как роскошь, непозволительная для заключенных. Поэтому праздником становились для Нее несколько цветков или веточка сирени, принесенные слугами, имевшими право выходить за пределы участка, огороженного для Семьи и придворных.

Государыню лишили возможности выходить на балкон, примыкавший к Ее покоям. Двери на него стража заколотила.

Семью заставляли, как надоедливых просителей, подолгу стоять у запертых выходных дверей, ожидая, пока их отопрут – только тогда они могли выйти на прогулку. Однажды ключ «не нашли», и всем пришлось вернуться в комнаты.

В парке позади Императора всегда следовал вооруженный до зубов отряд со штыками наготове.

И уж вовсе не имела границ бдительность охранников по предотвращению возможных заговоров: вскрывали каждую посылку, разрезали тюбики с зубной пастой, разламывали на мелкие кусочки шоколадные плитки, обыскивали даже простоквашу. В процедуре осмотра белья из прачечной присутствовала вся охрана без исключения (ГУЛАГовским вертухаям было у кого поднабраться опыта).

Изнывая от безделья, одурманенные безнаказанностью, солдаты перестреляли в парке ручных ланей и лебедей, шатались по дворцу, с руганью врываются в комнаты Цесаревича и Великих Княжон. Князю Долгорукову приходилось оборонять от их вторжения комнату Государыни. Напротив окна Ее гардеробной установили пост, и Государыня изыскивала разные способы, чтобы скрываться от хамски-любопытствующих глаз.

Придворные не осмелились жаловаться, когда ночью исчезли их ботинки, выставленные за двери комнат, а у баронессы Буксгевден были украдены все золотые и серебряные вещи. Они молчали, чтобы не вызвать еще большего озлобления солдат и не угодить в тюрьму за то, что посмели усомниться в честности революционной армии. Совсем недавно, 28 сентября 1916 г., Государь говорил послу Палеологу: «...Как чудесен русский солдат! Я не знаю, чего нельзя было бы с ним достигнуть. И у него такая воля к победе, такая вера в нее!»

Придворные устроились в комнатах, принадлежавших прежде фрейлинам. Столовая и гостиная были общими. Столовались двумя группами: в одной – Бенкендорфы, князь Долгоруков и фрейлины; в другой – Жильяр и доктора. Семья обедала вместе с выздоравливавшими больными. Повар ежедневно получал от солдат продукты. Пищу готовили самую простую, фрукты, например, были запрещены, так как в тюрьмах арестованным они не положены. А в начале июня правительство известило графа Бенкендорфа, что отныне оплачивать издержки по столу Арестованных должны сами Арестованные, иначе со стороны совдепов последуют неприятности.

Граф негодовал: скромное меню и личные траты Семьи сокращались, так как Их средства были невелики и из них выдавались многочисленные пособия, а Керенский с кучей прихлебателей обожал завтракать в Большом дворце Царского Села, и заказывал там лучшие вина из Императорского погреба.

Невыразимо грустны в Александровском дворце были вечера. Придворные, искушенные в светском этикете, прекрасно умеющие поддержать любой разговор, умеющие владеть собой в любых обстоятельствах, с трудом находили общие темы. Новости из внешнего мира почти не поступали, а то, что волновало всех – очередные безобразия солдат, их громкие рассуждения

о том, что Императора следует отдать под суд или рассказы об арестах и убийствах офицеров, знакомых, родственников – не обсуждалось.

Граф Апраксин: «... После обеда все, кроме врачей, собрались у графини Бенкендорф. В 10 часов 15 мин. вошли Их Величества... Разговор поддерживал Государь, Императрица почти все время молчала. Человек, не посвященный в события, не догадался бы, что в эти часы небывалые душевные муки терзают каждого из присутствующих. И хорошо, что разговор шел о постороннем. Несколько раз судорога сжимала горло, и надо было употреблять величайшие усилия, чтобы не разрыдаться, глядя на чудные, ласковые Царские очи...»

Жильяр: «Всегда то же спокойствие, та же забота быть ласковым с теми, кто разделяет Его несчастье. Он для нас пример и нравственная помощь».

Императрица, очень похудевшая и постаревшая за эти дни, «держалась героически – как и в первые дни революции, когда Ей и Детям угрожала постоянная опасность. Мужество никогда не покидало ее, и Она старалась поддержать и подбодрить тех слуг, которые были напуганы или подавлены событиями» (баронесса Буксгевден).

1(14) августа Царская Семья была отправлена в ссылку.

Они очень надеялись, что их повезут на Юг, в Крым. Но когда было приказано взять теплую одежду и запас продовольствия на пять суток, они догадались, что впереди – Сибирь.

«Судьба Царской Семьи – это, может быть, единственное, в чем Временное правительство действовало вполне логично. Отсюда и Тобольск – подальше от центра, в глушь, по мере возможности, в забвение, хотя бы и временное. Тень Царской Семьи стояла не только “угрызением совести”, она стояла личной угрозой для всех участников Февраля – эту угрозу нужно было убрать подальше. В этом были единодушны все – от генералов до социалистов. И именно поэтому никто не позаботился о Царской Семье – ни в Царском, ни в Тобольске» (И. Солоневич).

Все так, но просматривается еще одна причина ссылки Царской Семьи именно в Сибирь, признаться в которой постеснялись и князь Львов, и Керенский, но которая просвечивает сквозь словесные хитросплетения их мемуаров. Они не смогли преодолеть искушение использовать шанс, который преподнес им древний искунитель: низвести Помазанника Божиего до уровня обычного преступника, т. е. оправдать этим собственный уровень. А помогало оправдать – как данное злодеяние, так и само свержение Царя, которые обосновать законным путем было невозможно – укоренившееся в сознании народа представление о Сибири, как месте для заслуженно наказанных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.